УДК 811.112

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-6-45-57

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ АВТОРА-СУБЪЕКТА ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ОДИНОЧЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г. ГЕССЕ)

Журавлева Т. П.*Пятигорский государственный университет**357532, г. Пятигорск, Ставропольский край, пр. Калинина, д. 9, Российская Федерация*

Аннотация

Цель данной работы заключается в выявлении индивидуально-авторского речевого поведения «художественного одиночки».

Процедура и методы. В статье представлены релевантные фрагменты текста, позволяющие определить интенциональность субъекта (говорящего и переживающего) на предмет отсутствия субъект-субъектных отношений, концентрацию соответствующих мироощущений индивида (автора-субъекта одиночества). С опорой на теорию Дж. Серля об интенциональности при проведении исследования применены следующие методы интерпретационного анализа: структурно-семантический, функционально-смысловой и семантико-прагматический.

Результаты. Выявленные в ходе работы языковые и речевые маркеры позволили установить инвариант рефлексивно-деятельностного интенционального типа субъекта одиночества, склонного в возрасте к амбивалентному речевому поведению.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию лингвистической экспертизы и дискурсивный анализ художественного текста.

Ключевые слова: предметно-смысловая направленность, интенциональный тип, концепт, концептуализация, концептуальная модель, амбивалентное восприятие действительности

VERBAL PORTRAIT OF AUTHOR AS SUBJECT IN INTENTIONAL FEELING OF LONELINESS (BASED ON H. HESSE'S WORKS)

T. Zhuravleva*Pyatigorsk State University**9 prospekt Kalinina, Pyatigorsk 357532, Stavropol Territory, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of this article is to identify individual author's speech behavior of "literary loneliness".

Methodology. In the article we analyze relevant text fragments which show intentional activity type of the subject (speaking and feeling) as lacking subject-to-subject relations, concentration of relevant attitude of person. With D. Serl's theory about intentionality as the basis, the main interpretation methods of research are: structural-semantic, functional-semantic and semantic-pragmatic.

Results. The result of the study is identification of the linguistic and speech markers, which define the dominant of the intentional reflexion-activity type of the loneliness subject who is inclined to ambivalent speech behavior with aging.

Research implications. The research results contribute to the theory of linguistic expertise and discourse analysis of the literary narrative text.

Keywords: subjective and meaningful focus, intentional type, concept, conceptualization, conceptual model, functional semantic field

Введение

Процесс порождения речемыслительной деятельности субъекта обусловлен аффективно-когнитивной и волевой целенаправленностью, в которой чётко прослеживается манифестация типичных жизненных фрагментов опыта, выстроенных в виде концептов, позволяющих впоследствии идентифицировать индивидуально-авторское речевое поведение.

Наше исследование направлено на выявление экзистенциального состояния одиночества в немецкоязычных автобиографических повествовательных текстах Г. Гессе, осмысление, осознание и репрезентация которого представляет собой индивидуально-авторскую концептуальную модель «одиночество».

Включение в анализ определения границ языка и мира (см. [2]) автора на предмет интенционального (см. [15; 20]) состояния одиночества осуществляется выявлением языковых и речевых маркеров, отражающих авторское отношение к окружающей действительности [6, с. 64].

В основе предлагаемого нами исследования лежит теория Дж. Серля об интенциональности как о направленности речемыслительного процесса на социально-психологический объект. Бондаревская А. В. [1, с. 116–117] же отождествляет интенциональное состояние с понятием “interest”, который направлен на осмысление внешнего и внутреннего мира человека.

Интенциональность субъекта (переживающего и говорящего) рассматривается нами как ощущение и осознание им социально-физиологического состояния одиночества «здесь» и «сейчас» [15]. Сам же субъект интенционального состояния одиночества идентифицируется как автор литературного повествовательного художественного текста. Авторская реализация интенционального состояния одиночества прослеживается как эксплицитно (репрезентирует пропозициональное содержание), так и имплицитно (модально-

оценочная рамка). Индивидуально-авторский набор языковых и речевых маркеров, демонстрирующих интенциональное отношение автора-субъекта к состоянию одиночества, устанавливает интерпретационно-когнитивное пространство языковой личности [4; 7], другими словами, «интенциональный тип» субъекта.

Феномен «одиночество» определяется нами как аффективно-когнитивная структура, совокупность аксиологически дифференциальных эмоций интенционально-рефлексивной направленности, проявляемой на лексико-семантическом уровне [6, с. 64–65].

Предметом исследования становится процесс формирования концепта или концептуализация предметно-смысловой направленности субъекта одиночества, другими словами концептуальная модель феномена «одиночество» на примере произведений Г. Гессе, формы её реализации и экспликации.

Материалом для исследования послужили следующие произведения Г. Гессе: “Kinderseele” (1920) / «Душа ребенка», “Unterm Rad” (1906) / «Под колёсами», “Steppenwolf” (1927) / «Степной волк». Выбор материала обусловлен онтогенетически (с указанием возрастных изменений двойственного характера – в лице персонажа и автора).

Цель данного исследования – на примере релевантных фрагментов текста, взятых из автобиографических произведений, сопоставить и выявить авторский процесс концептуализации феномена «одиночество», инвариантные и вариативные черты индивидуально-авторской репрезентации концептуальной модели, а также доминантный интенциональный тип «художественного одиночки» [12].

Художественные формы экзистенциального состояния одиночества. Лингвистический анализ

Принимаем во внимание тот факт, что художественный текст представляет собой вторичную реальность автора, кото-

рая сочетает объективную действительность и авторский замысел [19, с. 10–11]. Автор художественного повествования (авторское «Я») реализуется в трёх ипостасях: субъект говорящий (моделирующий поведение своего персонажа в «предполагаемых обстоятельствах») – субъект переживающий – персонаж (действующий субъект в повествовании) [3, с. 559–560].

Часто все эти три сущности (ипостаси) объединяются в одном «Я», чувствующем, переживающем и описывающем одиночество:

«Einsamkeit ist Unabhängigkeit, ich hatte sie mir gewünscht und mir erworben in langen Jahren. Sie war kalt, o ja, sie war aber auch still, wunderbar still und groß wie der kalte stille Raum, in dem die Sterne sich drehen»¹ / «Одиночество – это независимость, его я хотел и его добился за долгие годы. Оно было холодным, как то холодное тихое пространство, где вращаются звезды»². Одиночество являет собой желаемую независимость, холодное и тихое пространство для свободы и творческой мысли.

Перед нами внутренний монолог главного персонажа, где желаемое демонстрируется в виде абстрактных номинантов, ассоциатов (*kalt – still – gross*), которые усиливают контекст отрешённости и покинутости как «состояния».

Проведённый лингвистический анализ релевантных фрагментов текста на предмет интенционального состояния одиночества выявил следующее:

В целом, ядерными экспликаторами отмечены лексемы “*einsam*” и “*allein*” с минимальной частотностью употребления. Положение дел объективной действительности, другими словами ситуация-факт отсутствия субъект-субъектных

отношений, эксплицируемая лексико-семантической единицей “*allein*”, отмечена всё же большей частотностью, чем лексическая единица “*einsam*”. Это позволяет представить изначально первичность ситуации-факта, а вслед – осмысление и интенциональное отношение субъекта к сложившейся ситуации. Переход к чувственному познанию вызывает у главного персонажа личностно-поведенческую реакцию в виде актуализаторов «мыслить», «чувствовать».

В этой связи установлено индивидуально-авторское разнообразие деривационного ряда коренных слов, выраженное актуализаторами-номинантами *Einsamkeit*, *Alleinsein*, субстантивированными прилагательными и их производными: “*Einsamer*”, “*Vereinsamung*” (актуализирует продолжительность душевного состояния).

Наряду с этим необходимо отметить наличие **усложнённых и окказиональных актуализаторов-номинантов** “*Einsamkeitszauber*” / чары одиночества, “*Einsamkeitsbedürfnis*” / потребность в одиночестве, “*Alleingelassensein*” / бытие оставленного, “*Alleinbleiben*” / пребывание в одиночестве, “*Alleinspielen*” / игра в одиночестве, “*Alleingebliensein*” / пребывание в одиночестве, “*Alleinreisen*” / путешествовать одному, “*Alleinlebende*” / живущие в одиночестве; **производных прилагательных и причастий**: “*vereinsamt*”, “*alleingelassen*”, “*alleinigen*”.

Опираясь на характерные признаки исследуемого концепта (преимущественно в немецкой лингвокультуре), освещённые в работах Н. В. Подзолковой [13] и Н. А. Красавского [8–10], при анализе вербальной репрезентации нами было установлено существенное расширение синонимичного ряда исходных лексем, что позволяет говорить о художественных возможностях автора применять «фреймовую семантику» [18] для изображения своего субъекта одиночества, учитывая цельность структуры, включающую ключевые признаки / мотивы,

¹ Hesse H. Der Steppenwolf und unbekannte Texte aus dem Kreis des “Steppenwolf”. Frankfurt am Main: Verlag Suhrkamp, 1972. S. 44

² Гессе Г. Степной волк // BooksCafe.Net: электронная библиотека. URL: https://bookscafe.net/read/gesse_german-stepnoy_volk-28811.html#p2 (дата обращения: 30.07.2021).

функционально-смысловые типы речи, формы модальности (грамматическая категория – Konjunktiv, на семантическом уровне – модальные слова, в частности, маркеры модальной «уверенности / неуверенности») в отношении своего одиночества.

Кроме того, особый интерес представляет индивидуально-авторская характеристика исследуемого феномена. В качестве вербализаторов выявлены **номинанты** усложнённого окказионального характера, **частотным определяемым в которых служат модальные глаголы и экзистенциальный «быть, иметься»**: *Lebensmüssen, Lebenwollen, Nichtlebenkönnen, Nichtsterbenkönnen, Sichfremdfühlen, Fremdgewordensein, Wirklichkeitsentfremdung*, другая часть содержит приставку **ver-**: *Verödung, Vereinsamung, Verwilderung*, а также **номинанты-актуализаторы семы «чувствовать, испытывать»**: *Menschensehnsucht* / человеческая тоска, *Jugendsehnsucht* / тоска молодости, *Sichdurchschlagen* / разрывать себя, *“Schwerlebig”* / тяжело живущий, *Leidensbereitschaft* / готовность к страданиям, *Weltverachtung* / презрение мира, *Selbstverachtung* / самонезрение, *Sehnsuchthaben* / испытывать ностальгию, *Steppenwölfikeit* / степного волка, *Selbstmördertum* / самоубийство; **пространственно-временные маркеры, представленные наречиями** (*beständig* / постоянно, *tagelang* / целыми днями, *wochenlang* / неделями).

Специфика художественного повествовательного текста Г. Гессе (структурно-семантический и функционально-смысловой анализ)

Проследим на примерах релевантных фрагментов текста индивидуально-авторские особенности вербализации исследуемого феномена и коррелирующие с ним другие денотативные области (концепты).

Художественные произведения немецкоязычного автора Германа Гессе

(1877–1962) вбирают в себя «подлинные истории», в которых замаскированы личные признания автора, результат личного опыта.

Т. В. Терехова отмечает в них очевидный факт следования Г. Гессе романтической традиции исповедальности [16, с. 293], демонстрирующий познание собственного «Я» через странствия, постоянный внутренний конфликт с самим собой и внешним миром.

Обратимся к фрагментам текста новеллы “Unterm Rad” / «Под колесами» (1903) (возраст автора – 26 л.) и прокомментируем их. Желание начинающего писателя «познать», «увидеть», «открыть», «выявить» «самость», которая в детстве ещё слита с личностью ребёнка, и определили замысел произведения: история одарённого, но слабого здоровьем подростка, Ганса Гибенрата, слушателя семинарии Маульбронн, которого лишили детства с его играми и забавами, заменив на зубрежку древнегреческого, латыни и математики, тем самым обрекли на одиночество.

“Hans war **allein geblieben**. Ein starkes Gefühl ließ ihm **das Land der Freundschaft selig in sehnsüchtigen Farben am Horizont erscheinen** und zog ihn mit stillem Trieb hinüber. Aber **eine Schüchternheit** hielt ihn zurück. Ihm war in seinen strengen, mütterlosen Knabenjahren **die Gabe des Anschmiegens verkümmert**, und vor allem äußerlich Enthusiastischen hatte er **ein Grauen**. Dazu kam der **Knabenstolz** und **schließlich der leidige Ehrgeiz**. ... , ihm war es wirklich um Erkenntnis zu tun, aber gleich jenem **suchte er sich alles fernzuhalten**, was ihn der Arbeit entziehen konnte. So blieb er fleißig am Pult verharren, **litt aber Neid und Sehnsucht**, wenn er andere sich ihrer Freundschaft freuen sah”¹. / «Ганс так и остался в одиночестве. Царство дружбы рисовалось ему на далёком горизонте в самых радужных и заманчивых красках. Он

¹ Hesse H. Unter dem Rad [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gutenberg.org/files/49908/49908-h/49908-h.htm> (дата обращения: 30.07.2021).

страстно тянулся к нему, однако застенчивость сдерживала этот порыв. В строгие, сиротливые отроческие годы в нём увял дар сближения, и от всякого бурного проявления чувств он с ужасом шаркался в сторону. К этому надо прибавить мальчишескую гордость и, наконец, пагубное честолюбие. Нет, ... он искренне стремился к знаниям, но ... сторонился всего, что могло бы отвлечь от занятий. Вот Ганс вечно и корпел над учебниками, однако когда он видел, как другие радовались своей дружбе, его терзали зависть и тоска».¹

Авторское повествование с элементами рассуждения в анализируемом фрагменте текста демонстрирует поиски причин тоски и одиночества в детском возрасте, что с развитием сюжетной линии приобретает устойчивое постоянство и приводит к душевным расстройствам персонажа. Добровольное уединение деятельностного типа интенционального отношения к состоянию одиночества (желание корпеть над учебниками), а также набор номинативных сочетаний *Schüchternheit*, *Knabenstolz*, *schließlich der leidige Ehrgeiz*, которые служат экспликаторами процесса формирования концепта «одиночество», сводят его к нарастающему рефлектирующему типу, страдающему от зависти и тоски. Вместе с тем прослеживается градуальный ряд отрицательно-оценочных эпитетов (*in sehnsüchtigen Farben*, *verkümmert*, *ein Grauen*), употребляемых в функции атрибутивных прилагательных, причастий и субстантивированных прилагательных, усиливающих эффективность воздействия на реципиента.

Кроме того, в данном произведении Г. Гессе намеренно вводит дополнительного персонажа, друга и соученика, Германа Гельнера, активного деятельностного типа, увлекающегося филологией,

который субъект-субъектные отношения заменяет субъект-объектными и ежедневно дистанцируется, самоизолируется, убегает в лес, чтобы насладиться единением с природой и посвятить себя творчеству и сочинительству, о чём свидетельствует следующий фрагмент текста, где пропозициональные глаголы авторского повествования (*hatte vergebens zu erwerben gesucht*; *strich einsam durch die Wälder*) сменяются описанием природы в статике и осмыслением и осознанием осенней темы увядания и смерти:

“Der lyrische Hermann Heilner hatte **vergebens einen kongenialen Freund zu erwerben gesucht**, nun **strich er täglich** in der Ausgangsstunde **einsam durch die Wälder** und bevorzugte namentlich den Waldsee, einen melancholischen braunen Weiher, von Röhricht umfaßt und von alten, welkenden Laubkronen überhangen. Der traurigschöne Waldwinkel zog den Schwärmer mächtig an. Hier konnte er mit träumerischer Gerte im stillen Wasser Kreise ziehen, die Schilflieder Lenas lesen und, in den niederen Strandbinsen liegend, **über das herbstliche Thema vom Sterben und Vergehen sinnen**, während Blätterfall und das Rauschen kahler Wipfel schwermütige Akkorde dazu gaben. Dann **zog er häufig ein kleines schwarzes Schreibheftlein aus der Tasche, um mit Bleistift einen Vers oder zwei darein zu schreiben**”². / «Лирически настроенный Герман Гейльнер тщетно пытался найти себе конгениального друга и в час досуга один бродил по лесам. Заброшенное озеро, заросший осокой меланхолический бурый омут, почти скрытый под нависшими кронами с жухлым уже листом, чаще всего оказывались целью его прогулок. С неодолимой силой этот прекрасный в своей печали лесной уголок притягивал юного поэта. Так хорошо было выводить тонким прутиком на недвижной водной глади мечтательные круги или, лежа в низкой прибрежной траве,

¹ Гессе Г. Под колёсами // LibCat.Ru: электронная библиотека. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/285646-30-german-gesse-pod-kolesami.html#text> (дата обращения: 30.07.2021).

² Hesse H. Unter dem Rad [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gutenberg.org/files/49908/49908-h/49908-h.htm> (дата обращения: 30.07.2021).

читать песни Ленау и под мрачный аккомпанемент падающих листьев и грустный шум голых ветвей думать осенние думы о гибели и смерти. В такие минуты он доставал из кармана небольшую черную тетрадь и записывал одну-две пришедшие на ум строки».¹

Ответственность за гибель подростка автор возлагает на бездушную систему образования в Германии, которая была призвана воспитывать лишь угодных верноподданных и послушных исполнителей (см. [14; 17, с. 13]).

Наряду с этим лексико-семантический анализ выявил тесную корреляцию экзистенциальных маркеров (номинанты и номинативные сочетания) с чувственными и эмоциональными (глагольные конструкции, актуализирующие сему «чувствовать, испытывать» в статичном состоянии, исключая какую-либо деятельность, прилагательные и причастия).

К тому же репрезентация концептуального поля «одиночество» пересекается с коррелятами «дружба» (актуализаторы – лексическое сочетание существительного в сопровождении с определительным прилагательным, чаще двух *ein sonderbares Verhältnis; die neugebackene Freundschaft; voll eines seltsam beglückenden Gefühls der Zusammengehörigkeit und eines wortelosen, heimlichen Einverständnisses; ein großes Erlebnis und köstliches Geschenk*) и «самоубийство» (актуализаторами дум и планов о самоубийстве отмечены номинативные сочетания: *ein anderes Gespenst als trügerischer Tröstler; der Gedanke an den Tod; das Gefühl der Sicherheit; die Gewißheit seines baldigen Endes; eine beschlossene Sache* и пропозициональные словосочетания: *eine Schießwaffe verschaffen; irgendwo im Walde eine Seilschlinge anbringen; seine Sterbestätte bestimmen; einen wohlthätigen Einfluss auf sein Gemüt üben; das einsame Träumen auskosten*).

Следующее анализируемое произведение – психологическая новелла Г. Гессе “Kinderseele” / «Душа ребёнка» (1920) (возраст автора – 43 г.). По мнению самого писателя, данное произведение изображает «биографию души» самого героя. В новелле присутствуют одновременно: «Я»-повествователь, субъект-наблюдатель (взрослый 41 г.) и «Я»-повествуемое, объект наблюдения (ребёнок 11 лет). Временной отрезок в 30 лет даёт возможность повествователю скрупулёзно и основательно исследовать внутренний мир ребёнка, причины и мотивы его поступков, осмыслить события, которые недоступны детской психологии. Вместе с тем, автор сознательно не упоминает имени героя, тем самым подчёркивается исповедальный характер повествования, а также обобщение: судьба ребёнка сходна судьбе многих ребят, находящихся в сложном переходном подростковом периоде [11].

Именно в подростковом возрасте каждый из нас впервые задаётся вопросом о смысле жизни и о своём месте в этом мире, время перехода из мира детства во взрослую осознанную действительность. Порой испытываем обострённое чувство собственного одиночества, безысходности, непонимания со стороны взрослых. Этот внутренний конфликт ребёнка и представлен в художественном повествовательном пространстве, который выстроен палитрой дихотомии: жизнь – смерть, мать – отец, свет – тьма, истина – ложь, страх – храбрость, страдание – самоубийство и т. д.

Героя привлекает тёмный мир дворовых ребят, у которых такое «дерзкое умение жить», бесчувственное отношение к опасностям и обидам. Однако в этом он не находит родительской поддержки, и в первую очередь отцовской поддержки. Он оставлен наедине со своей беспомощностью и страхами:

“... ich würde immer nebendraußen stehen, allein und unsicher, voll von Ahnun-

¹ Гессе Г. Под колёсами // LibCat.Ru: электронная библиотека. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/285646-30-german-gesse-pod-kolesami.html#text> (дата обращения: 30.07.2021).

gen, aber ohne Gewißheit”¹ / «... я всегда буду сбоку припёка, в одиночестве и неопределённости, полон догадок, но лишен уверенности»².

Лишь спустя годы автор впервые анализирует детское восприятие действительности, с её искренностью и чувственностью:

“Alle diese Gefühle waren damals im Herzen des Kindes schon dieselben, wie sie es immer blieben: **Zweifel am eigenen Wert, Schwanken zwischen Selbstüberschätzung und Mutlosigkeit, zwischen weltverachtender Idealität und gewöhnlicher Sinneslust** – und wie damals, so sah ich auch hundertmal später noch in diesen Zügen meines Wesens bald **verächtliche Krankheit**, bald **Auszeichnung**, habe zu Zeiten den Glauben, daß **mich Gott auf diesem qualvollen Wege zu besonderer Vereinsamung und Vertiefung führen wolle**, und finde zu andern Zeiten wieder in alledem nichts als **die Zeichen einer schäbigen Charakterschwäche, einer Neurose**, wie Tausende sie mühsam durchs Leben schleppen”³. / «Все эти чувства были уже тогда в сердце ребенка тем, чем они оставались всегда: **сомнением в собственной полноценности, колебанием между самомнением и малодушием, между презирающим мир идеализмом и обыкновенной чувственностью**, – и так же, как тогда, я сотни раз и позднее видел в этих чертах моей натуры то **позорную болезнь**, то **почетное отличие**, и я верю порой, что этим мучительным путём **бог хочет привести меня к особому одиночеству и глубине**, а порой не вижу во всем этом ничего, кроме **свидетельства жалкой слабыхарактерности, невроза**,

от которых тысячи людей страдают всю жизнь»⁴.

Рассуждения персонажа наделены отрицательно-оценочным градуальным рядом абстрактных номинативных сочетаний (*Zweifel am eigenen Wert, Schwanken zwischen Selbstüberschätzung und Mutlosigkeit, weltverachtender Idealität und gewöhnlicher Sinneslust*, *die Zeichen einer schäbigen Charakterschwäche, einer Neurose*) в сопровождении с определительными прилагательными. Отсутствие субъект-субъектных отношений демонстрирует пассивный рефлектирующий интенциональный тип состояния одиночества.

Вновь отмечаем расширение концептуальной модели феномена «одиночество» окказионализмами и коррелятами отрицательно-оценочной коннотации: «страх», «неуверенность» и «самоубийство», которые представлены как эксплицитно (частотно повторяющимися номинативными актуализаторами и пропозициональными глаголами семы «чувствовать, испытывать»: *spüren, empfinden*), так и восстанавливаются из контекста:

“Wenn ich alle die Gefühle und ihren qualvollen Widerstreit auf ein Grundgefühl zurückführen und mit einem einzigen Namen bezeichnen sollte, so wüßte ich kein anderes Wort als: **Angst**. **Angst** war es, **Angst und Unsicherheit**, was ich **in allen jenen Stunden des gestörten Kinderglücks** empfand: **Angst vor Strafe, Angst vor dem eigenen Gewissen, Angst vor Regungen meiner Seele**, die ich als verboten und verbrecherisch empfand”⁵. / «Если бы мне надо было свести всё это мучительное противоборство чувств к какому-то главному ощущению и определить его каким-то одним названием, то я не нашёл бы другого слова,

¹ Hesse H. Kinderseele [Электронный ресурс]. URL: <https://www.morgenlandfahrer.ch/wp-content/uploads/2013/09/Hermann-Hesse-1920-Kinderseele.pdf> (дата обращения: 30.07.2021).

² Гессе Г. Душа ребёнка [Электронный ресурс] // LibreBook : [сайт] URL: https://librebook.me/dusha_rebenka/voll/1 (дата обращения: 30.07.2021).

³ Hesse H. Kinderseele [Электронный ресурс]. URL: <https://www.morgenlandfahrer.ch/wp-content/uploads/2013/09/Hermann-Hesse-1920-Kinderseele.pdf> (дата обращения: 30.07.2021).

⁴ Гессе Г. Душа ребёнка [Электронный ресурс] // LibreBook : [сайт] URL: https://librebook.me/dusha_rebenka/voll/1 (дата обращения: 30.07.2021).

⁵ Hesse H. Kinderseele [Электронный ресурс]. URL: <https://www.morgenlandfahrer.ch/wp-content/uploads/2013/09/Hermann-Hesse-1920-Kinderseele.pdf> (дата обращения: 30.07.2021).

как “страх”. Страх, страх и неуверенность – вот что испытывал я во все эти часы отравленного детского счастья: страх перед наказанием, страх перед собственной совестью, страх перед движениями моей души, на мой тогдашний взгляд, запретными и преступными¹.

“Ich wußte sehr gut, daß man **sich selber das Leben nehmen konnte**. Ich dachte auch, daß ich das wohl einmal tun würde, später, wenn es einmal ganz schlimm kam. Gut wäre es gewesen, **krank zu werden**, aber nicht bloß so mit Husten, sondern **richtig todkrank**, so wie damals, als ich Scharlachfieber hatte”². / «Я прекрасно знал, что можно самому лишить себя жизни. Я и думал, что когда-нибудь, наверно, сделаю это, позднее, если станет совсем уж скверно. Хорошо бы заболеть, но не каким-то там кашлем, а по-настоящему, смертельно, заболеть так, как тогда, когда у меня была scarlatina»³.

Итак, внутренний монолог персонажа сводится к описанию испытываемого состояния.

Далее прокомментируем роман “Der Steppenwolf” / «Степной волк» (1927) (возраст автора – 50 л.) на наличие экспликаторов концептуальной модели «одиночества».

В данном романе наше наблюдение сводится к нескольким типам повествования. Первые представления о главном герое (Гарри Галлере) ограничены кругозором и наблюдениями повествователя-рассказчика, племянника хозяйки, у которой Гарри снимает комнату:

“Er lebte sehr still und für sich, und wenn nicht die nachbarliche Lage unsrer Schlafräume manche zufällige Begegnung auf Treppe

und Korridor herbeigeführt hätte, wären wir wohl überhaupt nicht miteinander bekannt geworden, denn gesellig war dieser Mann nicht, er war in einem hohen, von mir bisher bei niemandem beobachteten Grade ungesellig, er war wirklich, wie er sich zuweilen nannte, ein Steppenwolf, ein fremdes, wildes und auch scheues, sogar sehr scheues Wesen aus einer anderen Welt als der meinigen. In wie tiefe Vereinsamung er sich auf Grund seiner Anlage und seines Schicksals hineingelegt hatte und wie bewusst er diese Vereinsamung als sein Schicksal erkannte: dies erfuhr ich allerdings erst aus den von ihm hier zurückgelassenen Aufzeichnungen ...”⁴ / «Жил он очень тихо и замкнуто, и если бы не соседство наших спален, повлекшее за собой случайные встречи на лестнице и в коридоре, мы, наверное, так и не познакомились бы, поскольку общительностью он не отличался, он был в высшей, неведомой мне дотоле степени необщителен, он был и правда, как он иногда называл себя, Степным волком, чужим, диким и одновременно робким, даже очень робким существом из иного мира, чем мой. С каким глубоким одиночеством свыкся он из-за своих склонностей и своей судьбы и сколь сознательно усматривал он в таком одиночестве свою судьбу, это я узнал, впрочем, лишь из нижеследующих, оставшихся от него записей ...»⁵

В приведённом фрагменте текста отмечаем контаминацию повествования рассказчика с элементами субъективных размышлений, рассуждений, предположений, умозаключений, эксплицируемых в форме Конъюнктив II. Повествование о жизни рефлектирующего интроверта вербализовано экзистенциальными предикативными конструкциями (*lebte still und für sich* / *жил тихо и для себя; war nicht*

¹ Гессе Г. Душа ребёнка [Электронный ресурс] // LibreBook : [сайт] URL: https://librebook.me/dusha_rebenka/vol1/1 (дата обращения: 30.07.2021).

² Hesse H. Kinderseele [Электронный ресурс]. URL: <https://www.morgenlandfahrer.ch/wp-content/uploads/2013/09/Hermann-Hesse-1920-Kinderseele.pdf> (дата обращения: 30.07.2021).

³ Гессе Г. Душа ребёнка [Электронный ресурс] // LibreBook : [сайт] URL: https://librebook.me/dusha_rebenka/vol1/1 (дата обращения: 30.07.2021).

⁴ Hesse H. Der Steppenwolf und unbekannte Texte aus dem Kreis des “Steppenwolf”. Frankfurt am Main: Verlag Suhrkamp, 1972. S. 9–10.

⁵ Гессе Г. Степной волк // BooksCafe.Net: электронная библиотека. URL: https://bookscafe.net/read/gesse_german-stepnoy_volk-28811.html#p2 (дата обращения: 30.07.2021).

gesellig; ungesellig / был нелюдим; *in tiefe Vereinsamung sich hineingelebt* / жил, погружён-ным в глубокое одиночество); частотным употреблением именной части сказуемого (*gesellig* / общительный, коммуникабельный), с отрицательной частицей или отрицательной приставкой. Психологическая защита персонажа от окружающей действительности выражена актуализаторами-номинантами (*nannte sich ein Steppenwolf* / называл себя степным волком, *ein fremdes, wildes und auch scheues, sogar sehr scheues Wesen aus der anderer Welt* / чужой, дикий и даже робкий, даже очень робкое существо; *eine tiefe Vereinsamung* / одиночество; *diese Vereinsamung als Schicksal* / одиночество как судьба). Характеристика персонажа наделена отрицательно-оценочной коннотацией в виде доминантно частотных атрибутивных прилагательных, наречий (*still* / тихо, *wild* / дикий, *fremd* / чужой, *scheu* / робкий) и номинантом (*Vereinsamung* / одиночество), актуализирующим продолжительность душевного состояния.

Наблюдения рассказчика позволяют воссоздать инстинктивно-оборонительную реакцию общества на внешность и поведение главного персонажа. Необъяснимая особенность во внешнем виде незнакомца вызывала *Widerwille* / отвращение, антипатию, *Abwehr* / оборону, а с познанием объекта наблюдения – *Sympathie* / симпатию и *Mitleid* / сострадание. Вербальный портрет, составленный рассказчиком, характеризует и описывает главного персонажа номинативным рядом отрицательно-оценочных единиц, содержащих определительные придаточные и предикаты негативной семантики (*dieser tief und dauernde Leidende, dessen Vereinsamung und inneres Sterben ich mit ansah* / ... кто так глубоко и долго страдал, чьё одиночество и внутреннее умирание происходило у меня на глазах; *ein Genie des Leidens, ... in sich eine geniale, eine unbegrenzte, furchtbare Leidensfähigkeit herangebildet habe* / гений страдания, который выработал в себе гениальную, не-

ограниченную, ужасающую способность к страданию; ... *nicht Weltverachtung, sondern Selbstverachtung die Basis seines Pessimismus sei, ... , nie schloß er sich aus, immer war er selbst der erste, gegen den er seine Pfeile richtete, war er selbst der erste, den er hasste und verneinte* / не презрение к миру, а презрение к себе самому было базисом пессимизма ... , он никогда не считал себя исключением, свои стрелы он направлял в первую очередь в себя самого, он ненавидел и отрицал себя самого в первую очередь).

Следующий показательный фрагмент текста:

“Schließlich kam er, im Alter von etwa siebenundvierzig Jahren, auf einen glücklichen und nicht harmlosen Einfall, der ihm oft Freude machte. Er setzte seinen fünfzigsten Geburtstag als den Tag fest, an welchem er sich den Selbstmord erlauben wolle. ... Wenn es ihm aus irgendwelchem Grunde besonders schlecht ging, wenn zur Verödung, Vereinsamung und Verwilderung seines Lebens noch besondere Schmerzen oder Verluste hinzukamen, dann konnte er zu den Schmerzen sagen: «Wartet nur, noch zwei Jahre, dann bin ich euer Herr!» Und dann vertiefte er sich mit Liebe in die Vorstellung, wie an seinem fünfzigsten Geburtstag morgens die Briefe und Gratulationen ankommen würden, während er, seines Rasiermessers sicher, Abschied von allen Schmerzen nahm und die Tür hinter sich zuzog”¹ / «В конце концов, дожив лет до сорока семи, он напал на одну счастливую и не лишённую юмора мысль, которая часто доставляла ему радость. Он решил, что его пятидесятый день рождения будет тем днем, когда он позволит себе покончить с собой. ... Когда ему почему-либо приходилось особенно скверно, когда к пустоте, одиночеству и дикости его жизни прибавлялись ещё какие-нибудь особые боли или потери, он мог сказать этим болям: «Погодите, ещё два года, и я с вами совладаю!» И потом любовно представлял

¹ Hesse H. Der Steppenwolf und unbekannte Texte aus dem Kreis des “Steppenwolf”. Frankfurt am Main: Verlag Suhrkamp, 1972. S. 58–59.

себе, как утром, в день его пятидесятилетия, придут письма и поздравленья, а он, уверенный в своей бритве, простится со всеми болями и закроет за собой дверь»¹.

Данный фрагмент демонстрирует мысли персонажа о самоубийстве в виде несобственно-прямой речи, тесно вплетённой в авторское повествование посредством глагольной конструкции рефлексивной направленности в сочетании с модальным глаголом – в форме Konjunktiv I *sich erlauben wolle* и иллюстрирует соблазн, допустимую для персонажа возможность покончить жизнь самоубийством как «запасной выход», которым персонаж готов воспользоваться к своему 50-летию. Ассоциативно-семантический ряд речевых элементов, актуализирующий концептуальную модель «одиночество» в авторском повествовании, включает в себя слова и словосочетания с отрицательной коннотацией: (глагол, отражающий состояние субъекта – *ihm besonders schlecht ging*; существительные-синонимы с приставкой *Ver-* (как показатель застывшего во времени состояния продолжительного действия) – *Verödung, Vereinsamung und Verwilderung seines Lebens*, отражающие продолжительность эмоционального состояния; а также существительные мн. ч., *noch besondere Schmerzen oder Verluste* / ещё особенные боли или потери, усиливающие негативное эмоциональное поле компонентов). Тоску и опустошённость подтверждает наполненная болью и потерями внутренняя речь персонажа как элемент рассуждения и угрозы в виде повелительного наклонения, которая в тексте выделена графически кавычками: »*Wartet nur, noch zwei Jahre, dann bin ich*

euer Herr!« / «Погодите, ещё два года, и я с вами совладаю!». Представления персонажа о желаемом дне актуализованы в форме Konditionalis I (*wie an seinem fünfzigsten Geburtstag morgens die Briefe und Gratulationen ankommen würden...* / как придут письма и поздравленья, а он, уверенный в своей бритве, простится со всеми болями и закроет за собой дверь).

Результаты исследования

Исходя из вышеизложенного резюмируем следующее. Вербализация индивидуально-авторского концепта сводится к описанию исследуемого феномена, а не к его обозначению. Релевантную частотность имеют повествование (авторское или персонажа), внутренняя речь персонажа и несобственно-прямая речь. В молодости выявлен рефлексивный переживающий интенциональный тип, пребывающий в экзистенциальном состоянии. С возрастом прослеживается уверенный деятельностный интенциональный тип (бунтарь) с элементами рефлексии, модальная репрезентация составила 60%, а отрицательно-оценочная коннотация исследуемого феномена приобретает амбивалентный характер (см. [5]).

Заключение

В результате проведённого исследования отмечаем вариативную реализацию предметно-смысловой направленности субъекта на особенности своего состояния одиночества с учётом онтогенетической динамики, а не со сменой исторического контекста.

Статья поступила в редакцию 04.08.2021.

¹ Гессе Г. Степной волк // BooksCafe.Net: электронная библиотека. URL: https://bookscafe.net/read/gesse_german-stepnoy_volk-28811.html#p2 (дата обращения: 30.07.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаревская А. В. Интенциональная природа интереса // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 115–117.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. И. Добронравова и Д. Лаухити, общ. ред. В. Асмуса. М.: Наука, 1958. 132 с.
3. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
4. Добряева И. С. Аксиологический (культуроформирующий) потенциал художественного концепта в территориальном (австралийском) варианте английского языка (на примере исследования индивидуально-авторского концепта Г. Лоусона «Mate/Mateship») // Сибирский филологический форум. 2018. № 3 (3). С. 4–19.
5. Журавлева Т. П. Репрезентация состояния одиночества в произведениях немецкоязычных писателей XVIII–XX вв. и формы её концептуализации: дис. ... канд филол. наук. Пятигорск, 2017. 268 с.
6. Журавлева Т. П. Речевое поведение субъектов состояния одиночества (на материале текстов немецкой художественной литературы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 10 (339). С. 64–70.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
8. Красавский Н. А. Олицетворение облаков в романе Германа Гессе «Петер Каменцинд»: Аксиологический подход // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7-2 (25). С. 112–116.
9. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. М.: Гнозис, 2008. 435 с.
10. Красавский Н. А. Эмоциональный концепт «одиночество» в аксиологическом измерении // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 4 (68). С. 72–76.
11. Малащенко В. В., Копцев И. Д. Форма и смысл новеллы Г. Гессе «Душа ребенка» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 8. С. 122–128.
12. Морозова М. Е. Коммуникативный тип художественного одиночки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-2 (51). С. 144–149.
13. Подзолкова Н. В. Концепт «одиночество» в немецкой и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 223 с.
14. Рожкова Н. В. Образы и символы детства в прозе Германа Гессе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. № 8 (127). С. 292–298.
15. Серль Дж. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык / под ред. Д. П. Горского, В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 96–126.
16. Терехова Т. В. Концепция художественного произведения у Г. Гессе на раннем этапе творчества // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Филология. 2008. № 4. С. 292–303.
17. Терехова Т. В. Проблематика и особенности поэтики раннего творчества Германа Гессе 1890-х–1920-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2009. 24 с.
18. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.
19. Щирова И. А. Языковое моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX века: дис. ... докт. филол. наук. СПб, 2001. 394 с.
20. Searle J. R. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 292 p.

REFERENCES

1. Bondarevskaya A. V. [Intentional nature of interest]. In: *Sovremennaya nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern Science: actual problems of theory and practice], 2017, no. 1, pp. 115–117.
2. Wittgenstein L. *Logiko-filosofskii traktat* [Logical-philosophical treatise]. Moscow, Nauka Publ., 1958. 132 p.

3. Gak V. G. *Yazykovye preobrazovaniya* [Language conversion]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoi kul'tury» Publ., 1998. 768 p.
4. Dobryaeva I. S. [Axiological (culture-formative) potential of the artistic concept in the territorial (Australian) version of the English language (using the example of the study of H. Lawson' individual authorial concept of "Mate/Mateship")]. In: *Sibirskii filologicheskii forum* [Siberian Philological Forum], 2018, no. 3 (3), pp. 4–19.
5. Zhuravleva T. P. *Reprezentatsiya sostoyaniya odinochestva v proizvedeniyakh nemetskoyazychnykh pisatelei XVIII–XX vv. i formy ee kontseptualizatsii: dis. ... kand. filol. nauk* [Representation of the state of loneliness in the works of German-speaking writers of the 18th – 20th centuries. and the forms of its conceptualization: PhD thesis in Philological sciences]. Pyatigorsk, 2017. 268 p.
6. Zhuravleva T. P. [Speech behavior of subjects of loneliness (based on texts of German imaginative literature)]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 10 (339), pp. 64–70.
7. Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, LKI Publ., 2010. 264 p.
8. Krasavskii N. A. [Personification of clouds in novel "Peter Camenzind" by Hermann Hesse: axiological approach]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2013, no. 7-2 (25), pp. 112–116.
9. Krasavskii N. A. *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoi lingvokul'turakh* [Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures]. Moscow, Gnozis Publ., 2008. 435 p.
10. Krasavskii N. A. [Emotional concept "loneliness" in the axiological dimension]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2012, no. 4 (68), pp. 72–76.
11. Malashchenko V. V., Koptsev I. D. [The form and meaning of H. Hesse's novel "The Soul of a Child"]. In: *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [IKBFU's Vestnik], 2013, no. 8, pp. 122–128.
12. Morozova M. E. [Communicative type of an artistic loner in the German literature]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2015, no. 9-2 (51), pp. 144–149.
13. Podzolkova N. V. *Kontsept «odinochestvo» v nemetskoj i russkoi lingvokul'turakh: dis. ... kand. filol. nauk* [The concept of "loneliness" in German and Russian linguocultures: PhD thesis in Philological sciences]. Volgograd, 2005. 223 p.
14. Rozhkova N. V. [Images and symbols of childhood in the prose of Hermann Hesse]. In: *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy, Sociology, Law], 2012, no. 8 (127), pp. 292–298.
15. Searle J. [The Nature of Intentional States]. In: Gorsky D. P., Petrova V. V., eds. *Filosofiya, logika, yazyk* [Philosophy, logic, language]. Moscow, Progress Publ., 1987, pp. 96–126.
16. Terekhova T. V. [H. Hesse's concept of a work of art at the early stage of creativity]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University. Philology], 2008, no. 4, pp. 292–303.
17. Terekhova T. V. *Problematika i osobennosti poetiki rannego tvorchestva Germana Gesse 1890-kh–1920-kh godov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Problems and features of the poetics of the early work of Hermann Hesse in the 1890s – 1920s: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Oryol, 2009. 24 p.
18. Fillmore Ch. [Frames and semantics of understanding]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 23: Kognitivnyye aspekty yazyka* [New in foreign linguistics. Iss. 23: Cognitive aspects of language]. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 52–92.
19. Shchirova I. A. *Yazykovoe modelirovanie kognitivnykh protsessov v angloyazychnoi psikhologicheskoi proze XX veka: dis. ... dokt. filol. nauk* [Linguistic modeling of cognitive processes in the English-language psychological prose of the XX century: D. thesis in Philological sciences]. St. Petersburg, 2001. 394 p.
20. Searle J. R. *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge, Cambridge University Press, 1983. 292 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Журавлева Татьяна Павловна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры германистики и межкультурной коммуникации Института романо-германских языков и гуманитарных технологий Пятигорского государственного университета;
e-mail: zhurata@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana P. Zhuravleva – Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Department of Germanic Studies and Intercultural Communication, Institute of Romano-Germanic Languages and Humanitarian Technologies, Pyatigorsk State University;
e-mail: zhurata@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Журавлева Т. П. Речевой портрет автора-субъекта интенционального состояния одиночества (на материале произведений Г. Гессе) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 6. С. 45–57.
DOI: 10.18384/2310-712X-2021-6-45-57

FOR CITATION

Zhuravleva T. P. Verbal portrait of author as subject in intentional feeling of loneliness (based on H. Hesse's works). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2021, no. 6, pp. 45–57.
DOI: 10.18384/2310-712X-2021-6-45-57